

Лит. Россия, 1982, 5 нояб.

РОМАН Льва Князева «Даль не чужая», посвященный гражданской войне на Дальнем Востоке, вышел в свет как нельзя более своевременно. Сейчас отмечается шестидесятилетие разгрома белогвардейцев и интервентов на этих дальних рубежах нашей Родины. В центре романа — образ командира партизанского отряда Гавриила Шевченко. Для создания характера героя автор использует и разнообразие традиционные средства художественной выразительности. Здесь хроника боев и походов Шевченко, его соратников, показывающая становление красного командира, здесь и приключенческо-детективная линия, проходящая через весь роман, — поединок Шевченко с контрразведчиком капитаном Фастом, здесь и «противостояние» командира отряда Шевченко и главнокомандующего Алешкина... Все это дает представление о полноте характера героя. Однако ни Шевченко — боец, блестящий шашкой на военных полях Приамурья, ни Шевченко — тактик, чуткий и опытный, военной хитростью повергающий врага в смятение, ни Шевченко — мыслитель, оратор, философ — ни один из этих аспектов не исчерпывает характера героя. Главное в Шевченко, пожалуй, то, что остается за кадром, то есть за пределами романа, но что угадывается, ощущается все время.

Вот неторопливая беседа Гавриила Матвеевича с ординарцем Колей Мироновым, которого он любит как сына: «— Да, брат Коля, жизнь наша течет и течет, как этот Амур. Плышет по нему бревно: только оглянулся — а уж вон куды унесло и не видно, равно и не было ничего перед тобой. — Верно, Гавриил Матвейч, живем мы, как та щепка на воде... — А нет же, Микола! Рена, она, конечно, течет, да ты-то не бревно и не щепка, чтоб несло тебя, куды не надо. Я к тому сказал, что, мол, идет жизнь-то, уходит, торопись доброе сделать. Да такое, чтоб ты успел, а люди не забыли».

И рассказал, как упустил атамана Калмыкова — бывшего друга юности, бывшего соседа, ныне врага — упустил «и себя наказал; и сотни, тысячи людей. Учи, хлопец: человека жалей, а врага не щади!». Это совпадение личного с народным, это страданное человека жалей, а врага не щади» и выделяет Шевченко как народного полководца.

Никто, как он, не переживает происходящую трагедию: враг-то — русский! «Страшные дела на Руси творим: истребляем друг друга, только хрюсят. Четвертый год русские русских бьют — это как понимать?» Душа разрывается. При малейшей возможности Шевченко пытается открыть глаза на правду сражающимся по ту сторону, пленных, победенных он не карает. Шевченко добр, отходчив, даже бело офицера Лопухина сумел перетянуть на свою сторону, но как же часто он наталкивается на глухое непонимание, отчужденность, злость. Легко замкнуться, очерстветь сердцем, ожесточиться. Сколько же надо нравственной силы, чтобы превозмочь себя! Может быть, он особой породы, непомерно сильной воли — ведь

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...

Лев Князев, «Даль не чужая». Роман, №№ 8, 9, 1982.

НАШ
СОВРЕМЕНИК

«ПОСТУПАТЬ, КАК ДОЛЖНО...»

есть же какой-то внутренний стимул в его поведении, личный, так сказать, мотив?

Шевченко силен «мнением народным», тем, что оно, слившись с его «я», стало его мнением. Главком Алешкин тактичен и вежлив, он хорош, когда дела идут успешно, и сникает, говорит «погасшим голосом», когда партизаны после поражения загнаны в тайгу. Тут-то и выходит на передний план Шевченко. Ничего не остается, как только в свои руки взять бразды правления: «Одно осталось — рубить горькую, обнаженную правду и исправлять положение». Наступать! И в поражении наступать. Следует дерзкая операция по уничтожению офицерского поезда белых, идущего на Хабаровск, — она должна поднять упавший было дух бойцов; следуют одна за другой боевые операции. И главный результат — мужики из

окрестных деревень пошли к ним в отряд.

«Не всякий способен поступать, как должно», — говорится в романе. Очень это понятно у Князева, почему так исторически значителен Шевченко — он там, где нужнее всего. Как часто, вольно или невольно, получается у пишущих о деятелях гражданской войны, что их герой лучше всех во многих отношениях — потому, мол, он и велик. Герой возвеличивается, поднимается на пьедестал. Однако «мнение народное» куда более объективное:

«Куда ни занесет судьба человека, он все едино только человек... Ты не молись ему, но уважай. И знай: здесь он велик, здесь — мал. Будешь на него молиться — он сам о себе возомнит, а далее не двинется. Его же, стало быть, подведешь».

В том-то и соль, что Шевченко совсем не претендует на роль единственного, непогрешимого

знатока истины, а посему «хозяина жизни». Между тем в романе немало персонажей, которым все наперед ясно: белогвардейские и японские генералы, наводящие «порядок» огнем и железом, капитан Фаст — страхом и кровью, даже вольноопределяющийся, эдакий уездный наполеончик Петр Блинов — все они «хозяева», все они за «Россию», но... без народа, не послушного им. Все они хотели бы командовать жизнью во имя «идеи», понятой узко и противозачинно, и жизнь в конце концов стирает их, как грязные пятна, — Петра Блинова, Фаста, генерала Сбруева...

Есть и недостатки в романе Л. Князева, их нетрудно заметить. Скажем, не получилась достаточно органичной по отношению к основному содержанию романа линия красной разведчицы Клементины Гончаровой и Святослава Лопухина, не хватило каких-то последних психологических стрихов, чтобы «перевоспитание» некоторых бывших врагов стало очевидным для читателя; но все это недостатки частные. Они с лихвой перекрываются общей удачей романа. Образ Шевченко несет в себе идею единения с народом и духовного единства народа — об этом как бы просят не забывать потомков его бесхитростное и мужественное сердце и подвижническая судьба.

Вячеслав ХАРЧЕВ
гор. ГОРЬКИЙ